

ИСТРЕБИТЕЛЬ ИЩЕТ БОЯ

Летя обратно, лейтенант Сурен Аветисян думал о самых различных вещах, перескакивая с одного на другое. Что только не идет в голову в таком приподнятом, возбужденном состоянии. Или вдруг принимался петь во все горло две, неизвестно откуда, взявшиеся строчки, которые сверлили мозг.

А истребитель ищет боя,

Как будто в бое есть покой...

И тут же, спохватившись, смотрел на летевшие рядом в тесном ряду самолеты, два освещенных солнцем «ястребка» с красными звездами на фюзеляже.

Летевший слева Владимир Новиков кивнул ему головой. Он, конечно, не слышал ничего. Если бы слышал пение Сурена, то обязательно показал бы на свое горло. Это должно было означать, что лейтенант совершенно напрасно забывает свое настоящее призвание. А Сергей Кузнецов, чей самолет летел справа, сосредоточенно смотрел вперед. Неужели до сих пор убивается из-за упущенных бомбардировщиков? Вот чудак.

— А истребитель ищет боя...

Самолеты идут к своему аэродрому. Задание уже выполнено и бензин на задание уже выполнен и бензин на исходе. Моторы еще работают ровно, но так, словно чувствуют близкий отдых. Совсем иначе они ревели, когда вылетели на боевое задание.

А полученное задание было следующее: уничтожить самолеты врага на аэродроме в Н. Их звено шло на небольшой высоте, прижимаясь к самой земле. Так можно было дольше оставаться незамеченным и легче уберечься от зенитных пулеметов. Выскочив над аэродромом, они принялись поливать лавиной зажигательных пуль стоящие на земле самолеты и ангары.

Все произошло так быстро, что Сурен не мог сообразить, все ли сделано. Он повернул звено обратно, к разгромленному аэродрому. Ангары и самолеты горели. Он сам видел, как мягко осело перевернутое крыло самолета, осветив на них белый кружок со свастикой. Они выпали на ангары еще несколько пулеметных очередей для верности и легли на обратный путь.

Сердце Аветисяна забилося сильнее, когда он увидел вынырнувшую из-за облаков девятку серых бомбардировщиков. Они летели почти параллельным курсом, видимо направляясь бомбардировать один из наших городов. Сурен ринулся наперерез эскадрильи. Он чувствовал товарищей, летевших рядом, хотя смотрел только вперед. Ярость и гнев клокотали в нем. Так вот они, подлые вороны, прославившие свои крылья пожарами и разрушениями.

Это они сбрасывали бомбы на наши мирные города. И, выжимая весь запас скорости из своего истребителя, Сурен шептал про себя:

— Только бы не ушли, только бы не свернули...

Звено резко пошло вверх и оттуда ринулось на врага. Строй бомбардировщиков дрогнул и стал рассыпаться. Новиков и Кузнецов ударили по фланговым самолетам, а Сурен выбрал себе головную машину. В ней, судя по всему, летел опытный летчик, может быть даже командир. Сделав несколько сложных фигур, бомбардировщик увернулся от истребителя и пошел в пики.

Аветисян бросился за уходящим врагом и нагнал его короткой пулеметной очередью в минуту выхода из пики. Тяжелая машина боком пошла вниз, чиркнула крылом по земле и взорвалась. Он взмыл вверх, но неожиданно сам попал под обстрел незамеченного бомбардировщика. Сурен стал набирать высоту, но только зашел в хвост врагу, как отказал пулемет, кончились патроны. Он не знал, что делать, но, к счастью, в это время появился истребитель друга. Новиков словно угадал его тяжелое положение и, выпустив длинную очередь, поразил в правый мотор бомбардировщика.

В небе уже не было вражеской стаи. Далеко впереди маленький «ястребок» Кузнецова преследовал сразу два самолета. Сурен взглянул на доску приборов. Бензина осталось совсем мало. Хорошо, если долетят до аэродрома благополучно.

Ничего, долетят. Должны долететь. Обязательно. О другом не стоит даже думать.

Аветисян снова посмотрел на приборы, потом на землю. Внизу тянулся сосновый лес, за которым находился их аэродром. Теперь, конечно, долетят. С какой радостью он отрапортует через 10 минут командиру эскадрильи майору Климову о выполнении боевого задания и о двух сбитых бомбардировщиках.

Машины товарищей неожиданно стали проваливаться. Он посмотрел вниз, кончался редкий лесок. Мелькнула водокачка, силосная башня, домики МТС. Вот и летное поле. Два белых самолета снижались к земле, впереди их бежали две темные тени, пока они слились в одно целое с самолетами.

Истребитель лейтенанта Аветисяна скользил ниже веркушек дубов, когда вдалеке над лесом показалась черная точка. Как он не заметил ее раньше. Может быть самолет скрывался за облаками?

Не успев до конца продумать, что будет делать, Сурен уже тянул ручку на себя, направляя самолет прямо в небо. Грозно ревел мотор, но опытное ухо различило в этом реке недовольные нотки. «Мало бензина», — понял он. Но, несмотря на это, упрямо лез и лез в небо.

Так и есть, вражеский бомбардировщик. Он быстро приближался к нашему аэродрому. Очевидно, экипаж намеревался сбросить свой разрушительный груз на посадочную площадку, на наши ястребки.

Нужно задержать его, помешать ему, пока не подоспеют товарищи.

— Давай, давай, миленький,—шептал Сурен мотору, словно машина могла его слушать.—Мы еще подеремся! Аветисян уже мог хорошо рассмотреть скоростную бронированную машину врага. Он видел фашистского наблюдателя у пулемета. Как жаль, что кончились патроны. Он бы показал им. И от того, что пулемет молчал, Сурен ненавидел еще больше вражеского бомбардировщика.

Пулеметчик-наблюдатель фашистского самолета с беспокойством смотрел на поднявшийся из-за леса истребитель.

Краснозвездный истребитель показалося в зоне обстрела, и немецкий наблюдатель нажал гашетки пулеметов. Он надеялся сбить советский истребитель, чтобы самому остаться живым. Но немец ясно видел, как трассирующие пули ушли в пространство, а неповрежденный самолет снова пошел вверх.

С бешеным ревом мчался на них истребитель, и наблюдатель, схватившись рукой скобку парашюта, приготовился к прыжку. Истребитель проскокнул мимо, не стреляя. Но почему он не стрелял?—вопросительно думал фашистский наблюдатель. Разве поймешь тактику этих русских детчиков! Они ведут себя в воздухе так, как рыба в воде и никогда нельзя понять, что они сделают через минуту. Этот, кажется, грозил кулаком.

Снова со свистом промчался истреби-

тель. Он проскокнул так быстро, что наблюдатель не успел прицелиться. Почему русские улыбаются! Два раза этот сумасшедший пролетал так близко, что мог перешетить их пулями, но он не стрелял.

Истребитель взобрался вверх, но тут его мотор чихнул и сделал несколько перебоев. Круто изменив курс, истребитель Аветисяна летел теперь с выключенным мотором. На бомбардировщике, фашистский наблюдатель прицелился к пулемету и расстреливал приближающуюся машину длинными очередями. Белые брызги вылетели над мотором. Пропала голова пилота! Все! Теперь все. Теперь он должен свернуть, если не хочет погибнуть. Но почему русский не сворачивает? Почему не включает мотор?

Истребители, поднявшиеся в воздух, видели, как «ястребок» ринулся в бой бомбардировщику, на него две машины слились в одно целое, затем, разваливаясь в воздухе рухнули вниз.

Летчики не стали задерживаться у огневого костра на земле, из которого подымалась слава их товарища, уже бессмертного героя великой Отечественной войны, лейтенанта Сурена Аветисяна. Они были истребители и летели вперед на врага, чтобы отомстить за смерть командира, боевого товарища на далекой, солнечной Армении.

Георгий МАНЕРНОВ.

РАЙОН ЛЬВОВА, апрель 1944 г.